

Пестрые рассказы изъ охотничьей жизни.

На досугѣ.

Гдѣ бы и какъ бы вы не встрѣтились въ настоящее время съ товарищами по страсти, если только вы съ ними заговорили,—вамъ непременно придется услышать отъ нихъ, что охота въ настоящее время свелась ни на что; сдѣлалась недобычлива; собакъ достать порядочныхъ негдѣ; товарищи по охотѣ—бери любого за хвостъ и брось за заборъ.

Я всегда отмалчиваюсь въ такихъ случаяхъ. Ну, что что вы подѣлаете съ такимъ мрачнымъ пессимистомъ, страдающимъ печенью, отдышкой, астмой и хроническимъ невареніемъ желудка, котораго самого бы давно пора, взявши за хвостъ, выбросить за заборъ? Что вы подѣлаете съ человѣкомъ, который не можетъ, въ силу какихъ бы то ни было обстоятельствъ, примириться съ современнымъ положеніемъ вещей и признать, что въ большинствѣ случаевъ онъ самъ не правъ, не умѣя, какъ слѣдуетъ, подъ извѣстнымъ угломъ, взглянуть на то, что его окружаетъ, чѣмъ слѣдуетъ вполнѣ довольствоваться.

Попробуемъ однако хоть отчасти разобраться въ этомъ дѣлѣ.

Сдѣлалась ли охота отъ того скучнѣе, что она стала менѣе добычлива?

Дѣйствительно: лѣтъ двадцать - пять тому назадъ, выѣхавъ въ поле не ахти съ какой сворой, въ теченіе пяти-шести часовъ ѣзды поднимешь десятка полтора зайцевъ, штуки три лисицъ и затравишь ли штукъ полдесятка, либо нѣтъ, ну, а травишь-то ужъ всѣхъ ихъ.

Пойдешь бывало въ лѣсъ съ парой немудренъкихъ гончихъ, гоняешь цѣлый день зайчишекъ и лисицъ, стрѣляешь безъ конца и только къ вечеру, усталый и довольный, отягощенный ношей зайцевъ, возвращаешься домой.

Какъ съ гончими, такъ и съ борзыми, не требовалось особеннаго знанія охоты, ни особеннаго вниманія при стрѣльбѣ. Никто изъ насъ, молодыхъ охотниковъ, не задавался этими задачами. Прозѣваешь одного, двухъ зайцевъ,—встрѣтишь еще трехъ, четырехъ и наверстаешь неудачу. Протравилъ куму, отрѣшивъ не въ мѣру борзыхъ,—не бѣда! Поправись сейчасъ на слѣдующей

Не то происходитъ теперь. Количество звѣря отъ многихъ причинъ значительно уменьшилось. Но уменьшилась ли охотничья страсть у охотниковъ? Меньше ли стало ихъ? Разумѣется, нѣтъ. А охотниковъ, наоборотъ, стало гораздо больше, такъ какъ охота перестала быть привиллегіей дворянства, а стала общедоступной забавой, поддерживаемой извѣстной страстью, которая, не разбирая чиновъ и сословій, вселяется одинаково какъ подъ роскошный мундиръ царедворца, такъ и подъ изношеную сермягу бѣдняка простолюдина. Богиня Діана консервативна и не дѣлаетъ различій въ сословіяхъ.

Трудно, разумѣется, въ дѣлѣ охоты что-либо обобщать. Но страсти и наклонности охотниковъ болѣе или менѣе одинаковы. Страсть къ охотѣ—прежде всего дѣло врожденное, а не навѣянное извнѣ. А затѣмъ, въ *настоящемъ* охотникѣ, вся охотничья страсть исключительно зиждется на любви къ природѣ и на возможности пріятно утилизировать свои физическія силы.

Если есть въ человѣкѣ хоть малѣйшая страстишка къ охотѣ, а при этомъ большой избытокъ здоровья,—вѣрьте, онъ страсть свою со временемъ доведетъ до Геркулесовыхъ столбовъ. И наоборотъ: какъ бы не велика была страсть къ охотѣ, любовь къ природѣ, но при отсутствіи здоровья, при недостаткѣ физическихъ силъ, при какомъ-нибудь физическомъ недостаткѣ,—страсть къ охотѣ зачахнетъ, уменьшится до минимума, если не уничтожится совсѣмъ, что болѣе всего вѣроятно. Идя отъ поколѣнія къ

поколѣнію назадъ, мы видимъ, что чѣмъ дальше поднимаемся мы вглубь сѣдой старины, тѣмъ сильнѣе видимъ выраженіе этой страсти. Наши отцы были болѣе насъ привержены къ охотѣ. Наши дѣды были болѣе отцовъ нашихъ охотниками; а ужъ много вѣковъ назадъ только охотой вѣдь и жили.

Я уже сказалъ раньше, что въ охотничьемъ дѣлѣ, что касается самой страсти къ охотѣ, а не къ *правиламъ охоты*, трудно что-либо обобщать. Здѣсь всякъ молодецъ на свой образецъ. У всякаго барона своя фантазія и носится этотъ баронъ съ фантазіей по всѣмъ полямъ и лѣсамъ, своимъ и чужимъ, съ разрѣшеніемъ владѣльца и безъ разрѣшенія онаго, съ охотничьимъ билетомъ и безъ билета, какъ ему Господь Богъ на душу положить.

Одинъ ищетъ въ охотѣ здороваго моціона; другой жаждетъ добычи; третій—наслажденія природой. Псовый охотникъ восхищается скачкою борзыхъ, лихостью коня своего и удалю своей ѣзды. У охотника съ гончими готовы выступить слезы умиленія, въ тихій и чудный осенній денекъ, заслышавъ залиvistый гонъ чудной, голосистой стаи. Ну, что при этомъ можетъ значить то, либо другое количество звѣря? Да пусть, по мнѣ, гоняють одного зайца, да *безъ скола, зарко и дружно*, по сухой погодѣ, въ *полный листопадъ*, когда подъ ходящемъ на *кругахъ* звѣрѣ, то и дѣло съ каждымъ его скачкомъ переворачивается сухой листъ и раздробляя запахъ слѣда, то и дѣло заставляетъ *скалываться* стаю, а она ведетъ *безъ малѣйшаго скола!* Чортъ ли мнѣ въ томъ, что за день я убью одного, двухъ зайцевъ? Да я удовольствія получу больше, чѣмъ если бы я убилъ ихъ десятокъ, при обстоятельствахъ, когда гончія въ островѣ въ разныхъ мѣстахъ орутъ, какъ дуры, а шумовые зайцы сыпятся, какъ изъ мѣшка. Вѣдь не промышленники же мы, чортъ побери, а охотники! Чего же намъ роптать на ничтожное количество звѣря? Будемъ на это уже роптать тогда, когда, выйдя въ островъ съ добрымъ смычкомъ либо двумя гончихъ, мы за цѣлый день не услышимъ ихъ голоса. Не-то за цѣлый день ѣзды со сворой въ рукахъ не выхлопаемъ ни шерстинки! А пока этого еще нѣтъ—жить еще можно!

Имѣлъ и чуждаго товарища по охотѣ. Такого уже не *найти*! Женился онъ и все пошло прахомъ! Не одну пару лаптей чортъ сносилъ, прежде чѣмъ свелъ насъ вмѣстѣ. Трудно придумать было двухъ субъектовъ, которые въ дѣлѣ охоты подходили бы такъ другъ къ другу. За 7 лѣтъ совмѣстной жизни и охоты ни малѣйшей тѣни недоразумѣнія между нами не пробѣжало. Полное согласіе во всемъ, что касалось охоты. Любовь другъ къ другу и взаимное уваженіе насъ не покидали ни на минуту. А охотился я съ дорогимъ Валентиномъ Дмитріевичемъ *буквально* день въ день! Никакая погода насъ не удерживала дома. Перестрѣлявъ и перетравивъ почти все, что жило поблизости дома,—оставшійся звѣрь былъ у насъ весь на счету, а уменьшеніе этого звѣря нисколько насъ не смущало. Оставалась еще масса *нетронутыхъ* мѣстъ, но у насъ именно главный интересъ охоты сосредоточивался на томъ оставшемся звѣрѣ, котораго трудно было разыскать и еще труднѣе было добыть.

Помню, напримѣръ, одного зайца, который вскакивалъ съ лежки, едва мы входили въ лѣсъ, при самомъ началѣ напуска и шелъ, никуда не сворачивая и не останавливаясь, вдоль лѣса верстъ 6 и затѣмъ сѣвъ на транспортную дорогу, махалъ по ней еще верстъ 8 до ближайшаго лѣса.

Помню другого зайца, который повадился жировать у меня въ саду и попортилъ намъ массу щепъ, а самъ не давался намъ, какъ кладъ, несмотря на специально устраиваемыя на него охоты. Едва натекали на него гончія, какъ онъ махалъ въ улицу хутора и, провожаемый крикомъ мальчишекъ и брехомъ хуторскихъ собакъ, проваливался отъ насъ словно сквозь землю. Либо шелъ обратно, ночнымъ своимъ слѣдомъ черезъ садъ и, перемахнувъ изгородь, уходилъ въ ближайшій островъ, отстоящій отъ мѣста охоты версты двѣ. На слѣдующее утро свѣжіе *малики*, свѣжая *попда* щепъ, и опять его гончія поднимають, и опять онъ самымъ неожиданнымъ образомъ выкидываетъ съ нами штуку, мы остаемся въ дуракахъ, но рады и веселы, что напали на такого остроумника, каждый день потѣшающаго насъ все новыми и новыми штуками.

Смерть этого зайца обошлась не безъ комизма и была неожиданна, какъ для него, такъ и для меня.

Въ январѣ, наканунѣ рокового дня, шелъ обильный снѣгъ, окончившійся къ вечеру обильнымъ дождемъ. Ночью подмерзло, а утромъ термометръ показывалъ 15° мороза при полномъ безвѣтріи и яркомъ освѣщеніи солнца. Снѣгъ свободно держалъ человѣка и ходьба была какъ по паркету. Что-то насъ задержало дома и мы не пошли на охоту; но человѣкъ отправился съ гончими именно добывать этого зайца, опустошенія котораго въ саду день ото дня увеличивались. Мы еще не окончили утренняго кофе, какъ подъ нашимъ окномъ, въ саду, раздался гонъ всей стаи. Я не успѣлъ надѣть шапки и чего-нибудь теплаго, а только схватилъ ружье и выскочилъ въ садъ. Но когда я былъ уже тамъ, гонъ раздавался за садомъ. Слѣдовало бы вернуться въ комнаты. Но гончія *варомъ-варили* и я медленно пошелъ въ конецъ сада, заслушавшись гона. Садъ оканчивался крутымъ спускомъ къ бывшей тамъ рѣкѣ, на противоположной сторонѣ которой былъ такой же крутой берегъ. Ослѣпительное солнце мѣшало смотрѣть на снѣгъ и я, глядя на другую сторону рѣки, не замѣтилъ какъ близко подошелъ къ краю спуска, поскользнулся и поѣхалъ, какъ на салазкахъ, на самый низъ и разогнавшись захватилъ еще и часть низа. Упавъ прямо на спину, я держалъ ружье одной рукой кверху стволами и оно, къ счастью, не выстрѣлило. Еще не успѣлъ я подняться и придти въ себя отъ неожиданнаго паденія, какъ съ противоположной стороны, отъ сада и меня, нажатый гончими заяцъ такимъ же образомъ, не удержавшись на обледенѣломъ обрывѣ, ѣхалъ почти-что мнѣ въ ноги, на собственномъ своемъ иждивеніи. Не успѣвъ подняться съ мѣста, въ полулежащемъ положеніи, я ударилъ изъ праваго ствола. Задняя пазанка оказалась совсѣмъ отбитой, но заяцъ не сдался. Бью изъ другого ствола—осѣчка! Достигнувъ до забора сада, ковыляя на трехъ ногахъ, заяцъ все-таки умудрился молодцомъ перемахнуть,—увы!—въ послѣдній разъ этотъ заборъ! Тутъ же за заборомъ я нашелъ его мертвымъ. Должно быть, кромѣ пазанки ему и еще куда-нибудь влетѣло.

Правду говоря, мы далеко не такъ кровожадны, какъ наши предки, видѣвшіе удовольствіе, по преимуществу, въ количествѣ убитаго и затравленнаго звѣря, да еще непременно лично. А для меня мастерской выстрѣлъ моего товарища по охотѣ доставляетъ столько же удовольствія, какъ если бы его я сдѣлалъ самъ. Молодецкій скачокъ черезъ канаву моего охотника, доставляетъ мнѣ то же удовольствіе, какъ-будто я самъ перемахнулъ этотъ ровъ либо разобранный мостокъ. Не думаю, чтобы я дѣлалъ собою исключеніе.

Ищите въ охотѣ природы, наблюдайте надъ этой природой, надъ людьми и всѣмъ живущимъ, что васъ окружаетъ на охотѣ, и вы забудете думать про шкурки и жаркое, и полной грудью воспримите въ себя всю ту массу впечатлѣній, которыя бодрятъ и навѣваютъ на душу безмятежный покой, дѣлая васъ добрѣе, кротче, снисходительнѣе къ людямъ и справедливѣе къ себѣ.

Мнѣ приходилось не разъ въ островѣ, пока гончія въ *полазѣ*, наткнуться на одиноко стоящую ель или сосну, гиганта многихъ десятковъ лѣтъ и залюбовавшись ею, забывать даже объ охотѣ. Только подумать о томъ, что за много десятковъ лѣтъ назадъ, когда тебя еще и въ проектѣ не было, сосна эта уже жила; ель эта сверху до низу покрытая, увѣшаная гигантскимъ сѣдымъ мохомъ, свидѣтельствуешь о столь же сѣдой старинѣ; и многое могла бы порассказать о томъ, какой была раньше вся эта мѣстность; какія дѣла творились подъ сѣнью этого лѣса, а если вы еще знакомы съ историческимъ прошлымъ этой мѣстности, гдѣ вы производите охоту, то—Боже мой! чего вы только не придумаете, не перечувствуете, если вы человѣкъ вполне культурный. А затѣмъ кости ваши успѣютъ превратиться въ прахъ, а сосна эта, если святотатственная рука человека ея не тронетъ, все также и послѣ васъ стоять будетъ и зеленѣть, и вашимъ внукамъ, и правнукамъ, какъ теперь вамъ, будетъ давать тотъ же гостепріимный пріютъ. Вотъ что вамъ придетъ въ голову.

Природа поучаетъ человѣка думать. Побуждаетъ человека задумываться надъ многимъ, что иначе ускользнуло

бы отъ его вниманія. И это даетъ охота. Вотъ чего въ ней искать надо. Я повторяю зады. Но иногда и зады повторить не лишнимъ бываетъ. Еще давно Мачеваріановъ писалъ, что настоящимъ охотникомъ можетъ быть человекъ только *высокообразованный*. И это величайшая истина. Такой не станетъ жаловаться на уменьшеніе количества дичи и звѣря, потому только, что онъ за день *отравилъ* въ островъ одного русака, да лисица у него *попорила*. Такой охотникъ не станетъ скорбѣть о томъ, что у него вмѣсто жареной куропатки на обѣдъ, будетъ курица, ровестница сельской матушкѣ, у которой дочь десять лѣтъ назадъ окончила епархіальное училище.

Есть добрые, гуманные люди, любящіе природу и все живое до самозабвенія, заботящіеся о сохраненіи и разведеніи звѣря и птицы,—у такихъ людей добыча звѣря и птицы посредствомъ охоты мало, или почти не играетъ никакой роли. Такимъ людямъ,—пусть расплодится больше звѣря и птицы и пусть ихъ никто не стрѣляетъ и не ловить, а ужъ они-то сами не поднимутъ на нихъ руки своей!

Сѣтованія на недостатокъ борзыхъ, гончихъ и подружейныхъ собакъ такъ же неосновательны, какъ и на уменьшеніе дичи, которой, однако, никто изъ насъ подъ свое покровительство не бралъ иначе, какъ на бумагѣ, въ печати. Во-первыхъ, хорошихъ борзыхъ, гончихъ и подружейныхъ собакъ еще есть очень много. Правда: дороги онѣ; не всякому по карману. Ну, а все таки онѣ есть. А, во-вторыхъ, признаться откровенно, кто изъ насъ дорожилъ борзыми, либо гончими, которыхъ намъ удавалось имѣть? Много ли изъ насъ было Ермоловыхъ, Мачеваріановыхъ, Новиковыхъ, Вышеславцевыхъ, которые, не жалѣя средствъ, берегли, какъ зеницу ока, имѣющихся у нихъ борзыхъ и гончихъ? „Полно на зеркало пенять,—коли у самихъ рожа крива!“ Были собаки рѣдкихъ кровей, да гдѣ же онѣ дѣлись? Не мы ли не сумѣли удержать нашу старинную густопсовую борзую? Не мы ли перемѣшали со всевозможными *вымысками* кровь чистокровныхъ костромичей? Да и теперь, какъ мы смотримъ, какъ мы

слѣдимъ за тѣмъ, что имѣемъ? Мы не скупились на деньги и все за нихъ готовы пріобрѣсти; но присмотрѣть за тѣмъ, что мы имѣемъ, что купили,—это не въ нашей русской распушенной натурѣ. Какъ содержатся наши собаки, съ кѣмъ вяжутся наши суки,—это мало насъ интересуешь. А отъ этого взгляда и отъ дѣльныхъ производителей получаются такіе ублюдки, съ которыми срамъ выѣхать въ поле да и удовольствія они никакого не въ состояніи доставить. Понятное дѣло, что человѣкъ, серьезно относящійся къ дѣлу собаководства, на вѣсь золота цѣнить своихъ щенковъ, а купить взрослыхъ собакъ очень и очень многимъ не по карману.

Мы, русскіе люди, все любимъ дѣлать черезъ край. Объ этомъ писалъ Гр. Сологубъ, Алек. Толстой и многіе другіе знатоки русской природы. Мы люди крайностей. Если охотиться,—то такъ, чтобы бойню устроить, а не охоту, и въ церковь уже тогда ни ногой. Если Богу молиться,—то такъ, чтобы лобъ разбить о каменныя плиты, и тогда уже „песъ смердящій“ долженъ быть въ полномъ загонѣ.

Еще менѣе выдерживаетъ критики жалоба на отсутствіе пріятныхъ товарищей по страсти. Да кто эти товарищи, какъ не мы сами? Что вносимъ мы сами въ охоту, кромѣ *аховъ* и *оховъ*, стоновъ и вздоховъ о нашихъ, якобы, непорядкахъ во всемъ и всюду; праздныхъ сожалѣній о якобы лучшемъ давно прошедшемъ и вздорныхъ жалобъ на всѣ наши учрежденія, поправить которыя, однако, никто изъ насъ не взялся бы; о нашихъ болѣзняхъ, лѣчить которыя намъ надоѣло? Конечно, такой вѣчно ноющій субъектъ плохой товарищъ для охоты. Ну, такъ и по боку такого отчаяннаго пессимиста и дѣлу конецъ. Не водись съ нимъ. Возьми себѣ въ товарищи простого мужика, съ которымъ ты если и не разговоришься по душѣ, зато не будешь принужденъ выслушивать глупѣйшія жалобы, отравляющія тебѣ чудныя минуты твоей жизни, согрѣтыя, увь, быть можетъ, послѣдними для тебя лучами осенняго солнышка, подъ мелодію твоей заливистой стайки.

Я вообще не люблю и всегда избѣгаю многочисленныхъ участниковъ охоты. Всегда здѣсь найдется полдесятка ословъ, профанирующихъ охоту и собравшихся не охоты ради, а въ виду доброй выпивки, и столь же хвастливыхъ, сколь и лживыхъ, расказней. Такіе мѣднолобцы, облысѣлые не во время и утратившіе всякое подобіе зубовъ отъ разнузданной жизни, ютящіеся по преимуществу въ столицахъ и большихъ городахъ, болѣе служители, а не то такъ и просто лакеи Бахуса, чѣмъ Діаны, о которой они еще кое-какъ помнятъ до первой закуски, послѣ которой коснѣющимъ языкомъ начинаютъ сбивать всю компанію бросить дальнѣйшую охоту, ѣхать домой и засѣсть въ карты.

Два человѣка для охоты, третій лѣсникъ, либо доѣзжачій, знающій хорошо мѣстность,—вотъ настоящее число участниковъ въ охотѣ, наиболѣе доставляющее удовольствіе, какъ въ полѣ, такъ и въ лѣсу.

Три смычка гончихъ, но не какихъ-нибудь *тявкушъ*, а дѣйствительно хорошихъ красноноговъ, доставятъ удовольствія больше, чѣмъ три десятка дурь, оглашающихъ лѣсъ повсюду безъ складу и ладу и заставляющихъ охотника со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта, съ сѣвера и юга, востока и запада, сторожить предполагаемаго звѣря. Ну, что это за охота? Вѣдь это уже шкурятничествомъ называется.

Мнѣ приводилось охотиться съ парой гончихъ. Какъ теперь помню: это были польскія гончія, кличками: „Воронъ“ и „Галька“. Боже! Что это было за наслажденіе ходить съ ними! Работа *зоркая* и *дружная*. Голоса идеальныя. Лишь только одна скололась,—какъ съ учащеннымъ подлаиваніемъ натекаетъ другая и опять несмолкаемый дуэтъ! *Позывистость* и *въжливость*—образцовая! День проходишь съ такими выжлятами, усталъ до изнеможенія силъ, а все возвращаться домой не хочется. И право, завести такихъ гонцовъ не такъ ужъ трудно, если за ними смотрѣть самому а не полагаться на нанятаго человѣка, да еще и неохотника.

Я знавалъ одного управляющаго, страстнаго охотника, съ которымъ никогда не разставался и жилъ у него

въ качествѣ комнатной собаки красавецъ курляндецъ выжлецъ. Куда бы не ѣхалъ управляющій, въ гости ли, либо по дѣламъ, выжлецъ лежитъ у него въ экипажѣ, равно какъ и двустволка, не разставались съ своимъ хозяиномъ. Лишь только по дорогѣ встрѣчалось подходящее мѣстечко, гдѣ можно было предполагать лисицу, либо зайца,—останавливались лошади и выжлецъ пускался въ островъ. Черезъ десять минутъ, много черезъ четверть часа, густой баритонъ выжлеца уже раздавался въ островѣ; а черезъ полчаса заяцъ, либо лисица лежали уже въ фаэтонѣ. Но выжлецъ этотъ вѣдь спалъ съ своимъ хозяиномъ на одной кровати. Густую и волнистую его псовину хозяинъ собственноручно не гнушался расчесывать тѣмъ гребнемъ, которымъ чесался и самъ. Вотъ какъ надо любить и беречь дѣльную охотничью собаку, если хотятъ получить отъ нея удовольствіе. Я не говорю, что выжлецъ потому былъ дѣльнымъ гонцомъ, что спалъ на кровати у своего хозяина, а говорю, что берегся онъ потому такъ, что былъ дѣльнымъ гонцомъ.

Знаю я другого человѣчка, мнящаго себя охотникомъ только потому, что ему извѣстно, съ которой стороны ружье стрѣляетъ, и вотъ этому-то господину, по несправедливости судьбы, удастся безъ труда доставать прелестнѣйшихъ сеттеровъ и пойнтеровъ. Но посмотрите, какъ они содержатся и ведутся внѣ охоты! Собака не имѣетъ опредѣленнаго мѣста, опредѣленнаго времени кормленія, опредѣленной посуды для ѣды и питья, а ужъ приласкаться, лечь около хозяина, съ которымъ только что была въ полѣ,—и думать нечего!

„Пошла, пошла! Фу, какъ она воняетъ!“ А воняетъ собака потому, что только-что ее смочилъ на охотѣ дождикъ и, понятное дѣло, смоченная густая псовина сеттера не можетъ пахнуть резедой, а душить сыростью.

„Гоните ее, проклятую, на дворъ! Весь паркетъ испачкала“!

Да чѣмъ же она виновата, что калоши для собакъ еще не изобрѣтены? Куда ей дѣться, не имѣя опредѣленнаго мѣста для лежанія?

„Ахъ, какъ эта, проклятая собака, блохъ поддаетъ!“
А кто-же виновать, что собака готова уже состариться,
не будучи знакома съ гребнемъ? А затѣмъ жалобы:

„Нѣтъ порядочныхъ собакъ!“ „Трудно достать хорошую
собаку“ и т. д.

Да умѣете ли вы прежде всего сохранить порядочную
собаку? Имѣете ли вы терпѣніе сами ухаживать за ней?
Нѣтъ? Такъ и не нойте, не жалуйтесь и знайте: „Нѣсть
бо скверны иже отъ васъ!“

Влад. Де-Сен-Лоранъ.